

Т.Ф. Волкова

РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО СУДЕБНОГО ОРАТОРА (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ В ПРЕНИЯХ)

Поставлена проблема изменения стандартов ораторской судебной практики в начале XXI в. Проанализирована речевая деятельность современного судебного оратора как конкретной языковой личности. Для судебной речи адвоката типичны не только логичность, правильность в качестве базовых характеристик, но и широкое использование речевых клише, стилистическое однообразие, эмоциональная сдержанность, связанные с влиянием современной языковой ситуации и индивидуальными особенностями говорящего.

Ключевые слова: судебный оратор; судебная риторика; языковая личность.

В последние десятилетия в связи с интенсивным развитием антропоцентрической парадигмы науки языковая личность активно изучается во многих аспектах: лингвостилистическом, психолингвистическом, социолингвистическом, когнитивном, лингвокультурологическом, лингводидактическом и др. [1. С. 25–31]. Широко обсуждаются проблемы эффективности коммуникации человека, свидетельствующей об уровне его развития в целом. В рамках лингвоперсонологии изучается вопрос о критериях результативности, успешности профессиональной языковой личности, прежде всего, связанных с речевой практикой. Фрагментарно описана речь конкретных представителей профессии актера [2], политика [3, 4], телеведущего [5]; в последние годы появились монографические исследования, в которых рассматриваются языковые личности видных деятелей науки [6, 7], спортивных комментаторов [8, 9], переводчиков [10].

Один из типов профессиональной реализации индивида, вызывающий пристальное внимание исследователей, – судебный оратор. Целый ряд работ посвящен основам судебной риторики [11–15]; начинают рассматриваться типологические признаки языковой личности юриста [16, 17]. При обращении к этому объекту развивается и лингвоперсонологическое направление. Теоретик судебного красноречия П.С. Пороховщиков (писавший под псевдонимом П. Сергеев) сделал отдельные наблюдения по поводу факторов успешности таких судебных ораторов прошлого, как А.Я. Пассовер, В.Д. Спасович, А.Ф. Кони, С.А. Андриевский и др., в широко известной книге «Искусство речи на суде», впервые опубликованной еще в 1910 г. [18]. Речь известного судебного оратора В.Д. Спасовича анализировал и В.В. Виноградов [19]. В последние два десятилетия предметом детального лингвистического описания стали языковые личности выдающихся судебных ораторов XIX – начала XX в.: Ф.Н. Плевако [20], государственного обвинителя А.Ф. Кони [21, 22], адвокатов С.А. Андриевского и Н.П. Карабчевского [23]. В то же время ораторская практика современных юристов в лингвоперсонологическом аспекте практически не изучена.

Говоря о традициях судебного красноречия XIX – начала XX вв., можно выделить ряд характерологических черт. В.В. Виноградов отмечал смешение стилей при написании текста судебных выступлений, стандартность композиции, задаваемой рамками судебного

разбирательства, опору на актуальные морально-нравственные топоры, например, порядочность, охрана семьи и т.д. В качестве главных особенностей ораторской практики В.Д. Спасовича им отмечены названные выше особенности, а также использование манипулятивных приемов [19].

Своеобразие судебных речей Н.Ф. Плевако объясняется их когнитивными особенностями (приемами убеждения и воздействия, основанными на обращении оратора к знаниям слушающего, отражающим систему ценностей), выстраиванием убедительной системы доказательств с опорой на законы логики, языковыми характеристиками в виде ярко выраженного синкретизма публицистического, официально-делового, научного, художественного и разговорного стилей, широкого использования приема метафоризации (олицетворения), императивных форм глагола, экспрессивного синтаксиса [20. С. 5–6]. Согласно выводам З.В. Баишевой, А.Ф. Кони как судебному оратору были присущи «высокая нравственность; владение лексическим богатством русского языка; логикой изложения и логикой рассуждения; умелое использование в речи средств выразительности» [21. С. 42]. Т.В. Артёмова отмечает сочетание аналитичности и «рассказовости» как две основные черты ораторской манеры Кони [22. С. 12].

Эффективность профессиональной речевой деятельности адвоката определяется О.В. Климович через свободное владение языковыми, коммуникативно-прагматическими, этическими и риторическими нормами. Адвокаты С.А. Андриевский и Н.П. Карабчевский характеризуются использованием разнообразных эффективных стратегий речевого поведения (защита, нападение, психологическое воздействие). Убедительность как базовое свойство судебной речи проявляется в точности выбора слов, образности и эмоциональности, использовании изобразительно-выразительных средств языка, в том числе образов из художественной литературы [23]. Обобщая, можно выделить главные черты речи судебных ораторов, считающихся эталонами красноречия: смешение стилей, правильность, точность, логичность речи, богатство и выразительность языка.

В статье ставится задача описания речевой деятельности судебного оратора наших дней как конкретной языковой личности. Это важно для постановки проблемы трансформации черт судебного красно-

речия начала XXI столетия в профессиональной речи ритор.

Исследуемая языковая личность – один из успешных адвокатов г. Томска (обозначим его как А.Г.). Имеет два высших образования: историческое и юридическое. В сфере юриспруденции работает 22 года. Адвокатской деятельностью занимается в течение 17 лет, имеет значительный опыт публичных выступлений. Выбор данного информанта для исследования был обусловлен, с одной стороны, его плодотворной адвокатской деятельностью, с другой – возможностью доступа к существующим материалам в виде набросков речей в прениях и аудиозаписям, а также личного наблюдения индивида в профессиональной деятельности. Объем материала – 13 582 слова, количество записанных устных выступлений – 12, записи сделаны в 2016–2018 гг.

Проанализируем особенности проявления базовых качеств хорошей речи [24. С. 162–163] в выступлениях А.Г. Наличие этих качеств считается основным условием эффективности, убедительности судебной речи [12. С. 13–25]. Правильность понимается как нормативность [24. С. 162]. Н.Н. Ивакина указывает, что судебный оратор должен соблюдать как языковые, так и стилистические нормы [12. С. 12]. Изучаемая нами языковая личность в большинстве случаев соблюдает орфоэпические, морфологические, лексические и синтаксические нормы. Иногда в набросках речей отмечены ошибки, например, орфографические: *согласно данному заключениюА; Согласно заключениюА дополнительной судебно-медицинской экспертизы;* пунктуационные: *Хотя налицо, что такое положение было удобно прежде всего самой К.; Как установлено материалами уголовного дела К. осуществляла предпринимательскую деятельность оказывая населению услуги юридического характера; Следовательно можно сделать обоснованный вывод о том, что К фактически занималась лжепредпринимательством;* речевые: *Следовательно, действия Г. надлежит квалифицировать, как минимум (надо «как максимум»), по ч. 1 ст. 118 УК РФ – причинение тяжкого вреда по неосторожности.* Неверное использование предлога «согласно» носит системный характер, речевая ошибка единична, запятые пропускаются часто, но нет определенных нарушаемых правил, так как невыделенные в вышеприведенных примерах вводные слова, деепричастные обороты в других случаях выделяются на письме. Имеются и лишние знаки: *За всё время предварительного следствия, никто из сотрудников полиции не обратил внимания на объяснение В.*

Особого внимания заслуживает вопрос соблюдения судебным оратором стилистических норм. Вопрос о стилевой принадлежности судебной речи остается открытым. Например, М.Н. Кожина относит судебную речь к устному жанру юрисдикционного подстиля официально-делового стиля [24. С. 275]. Н.Н. Ивакина считает этот жанр разновидностью публицистического стиля, «который включает в себя элементы официально-делового и научного стилей» [12. С. 48].

Анализ особенностей выступлений А.Г. показал, что их стиль можно квалифицировать как официально-деловой, включающий элементы публицистиче-

ского. О синкретизме всех стилей речь не идет. Вероятно, это то новое, что появилось в XX в. и развивается в настоящее время. Этот стиль языковой личностью хорошо освоен, он отражает новые черты речи ритор, отличающиеся от принятых в прошлом принципов построения эффективных публичных выступлений в судебной практике.

На морфологическом уровне зафиксировано обилие отглагольных существительных, чаще всего терминов, и страдательных кратких причастий, которыми заменяются глаголы: *указано, отнесено, совершено, применим, нивелированы, сохранено, освобожден* и др: *Возникновение возгорания паров «Уайт Спирита» возможно только при условии попадания источника зажигания непосредственно в объем паровоздушной смеси; В процессе оказания медицинской помощи было введено две инъекции наркотических средств; Измерить количество оставшегося в канистре уайт-спирита ни для следствия, ни для экспертных работников никакой сложности не представляло.* В том числе отмечено частое использование глагольно-именных сказуемых: *принимать меры, вступить в брак, искать конфликты, пройти путь, оправдать доверие, иметь место, перестроить жизнь;* словосочетаний с зависимым словом в родительном падеже: *итог встречи, отрезок времени.* Деепричастные и причастные обороты уточняют отдельные признаки, действия: *Таким образом, размер полученного В. только комиссионного вознаграждения (не считая заработной платы) вдвое превышает доход, полученный самой К. за 2014–2015 года – 51 217 рублей 25 копеек.*

Пассивные конструкции и глагольно-именные формы используются как при приведении фактов, так и в оценочных высказываниях. Это говорит о хорошем владении книжным стилем речи, стремлении к точности. Возможно, при помощи пассивных конструкций говорящий дистанцируется от ситуации. Это хотя и способствует объективности, официальности, безличности повествования, но снижает степень психологического воздействия, демонстрируя сдержанность, придавая текстам излишнюю наукообразность, сухость, лаконичность.

На лексическом уровне можно отметить широкое использование книжных слов, специальной юридической терминологии и штампов: *законодатель, дело, деяние, инкриминируемое деяние, подзащитный, подсудимый, потерпевший, квалификация, преступление небольшой тяжести, предварительное следствие, ходатайство, в порядке особого судопроизводства, правовые основания, противоправное поведение, незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица, совершенное с применением насилия, борьба с преступностью, подвергать избиению, сектор трудовой адаптации, антисоциальная и криминальная направленность* и др. С одной стороны, использование терминов делает речь А.Г. точной, лаконичной, с другой стороны, обедняет, она становится менее выразительной. Однако сказать, какая речевая практика эффективна в наши дни, однозначно на данный момент невозможно. Использование языковых средств официально-

делового стиля необходимо для именовании элементов состава преступления, процессуальных действий и документов, для формулирования выводов о фактических обстоятельствах дела.

Особенности публицистического стиля должны проявляться в сочетании информативности и воздействия. Информативность проявляется в речевых стандартах, использовании нейтральной лексики, а воздействие – в использовании оценочной лексики, особым синтаксисе [24. С. 313]. Вопрос о соблюдении или несоблюдении норм публицистического стиля в выступлениях адвоката остается открытым. Выделены отдельные элементы, которые не типичны для официально-делового стиля.

К публицистическому стилю выступления А.Г. приближает апелляция к нравственным ценностям (**совесть, порядочность, честность**): *Ваша честь, я убежден, что при рассмотрении данного дела и принятии по нему решения, помимо закона, мы все должны руководствоваться тем подсознательным, что у **порядочных**, я подчеркиваю, **порядочных** людей называются **совестью**; **непорядочность в противовес честности**: Так думать могут только те люди, которые **ни дня** не занимались оперативной работой как таковой, **ни разу** не задерживали преступников, а только способны из своих теплых служебных кабинетов давать указания и привлекать к уголовной ответственности невиновного сотрудника милиции, **честно** и в соответствии с законом выполнившего свой долг; **легкомысленность, бессовестность** как причина несчастья: **Ведь, если бы К. не искал приключений, не думал, что ему все дозволено, то все бы в порядке было и у семьи Г., и у семьи К.** Инициатором конфликта мой подзащитный не был, не мог заранее предвидеть, чем закончится данное поведение К. для него, поэтому и защищался, как мог.*

В выступлениях оратора наличествуют конструкции, делающие речь персонализированной: *Я считаю, я думаю, по мнению защиты, я уверен, и др.* Еще одной стилевой чертой публицистического стиля можно считать соединение книжной и разговорной лексики и оборотов в пределах одного контекста, особенно во вступлениях, а также при характеристике личности и анализе причин совершения преступления: *В своем заявлении о совершении В. преступления К. ни слова не пишет про наличие актов приема-передачи денежных средств, которые в дальнейшем появились, когда стало понятно, что вину В. не доказать.*

О ведущем месте логичности как качества речи эффективной языковой личности юриста говорят многие исследователи [11, 18, 20, 21 и др.]. В данной работе произведен анализ приемов и методов доказательства, видов аргументов, а также языковых средств, способствующих связности речи. Композиционно-логическое строение речи адвоката, с одной стороны, должно быть стандартно: зачин, вступление, анализ фактических обстоятельств дела и юридической стороны предъявленного обвинения, характеристика личности подсудимого, заключение. С другой стороны, выступление защитника более вариативно

по сравнению с обвинительной речью, так как целью выступает стремление убедить суд в правильности собственных выводов, переубедить, разрушить доводы оппонента – прокурора [25. С. 15–19]. Построение речи должно зависеть и от цели конкретной речи. Н.Н. Ивакина утверждает, что в ней отчетливо проявляется связь логико-смысловой структуры и замысла. Если виновность подсудимого доказана, защитнику нужно сконцентрироваться на анализе причин совершения преступления, поиске смягчающих обстоятельств. Эмоциональные средства воздействия уместны, по мнению Н.Н. Иванкиной, в особенной степени, если «фабула дела ясна» [12. С. 71]. Например, в одном из выступлений А.Г. делает акцент не на анализе фактических материалов дела, а на характеристике личности подзащитного, потому что целью речи было вызвать сочувствие и доверие к личности подсудимого. Выбор цели был обусловлен эстралингвистической ситуацией: преступление квалифицировалось по степени тяжести как небольшое, подзащитный дал признательные показания. Но данное выступление, скорее исключение, чем правило. В остальных случаях оратор сосредоточивает внимание на анализе имеющихся доказательств (показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, заключенного и показания эксперта).

В текстах информанта имеются различные приемы создания логичного текста, составляющие систему доказательства: косвенные и прямые приемы доказательства, индуктивный и дедуктивный методы, аналогия, опровержение. Отмечены разнообразные виды аргументов, при помощи которых производятся доказательства. Это факты и ссылки на законы: *Само преступление было совершено Г. исключительно из-за противоправного поведения потерпевшего К. (тезис), который в свою очередь также совершил в отношении Г. преступление небольшой тяжести, предусмотренное ч. 2 ст. 139 УК РФ – незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица, совершенное с применением насилия* (ссылка на закон, касающийся точной квалификации преступления как противоправного действия, прямое доказательство, дедукция); *Потерпевший К., приехав в с. ПарABELЬ из города Северска, был радушно принят семьей Г., вместе с ними провел вечер, после чего ушел, никаких поводов для конфликтов не было. Сам же Г. лег спать в квартире по ул. Ш., 118-б, которую он арендовал вместе с супругой* (факты, взятые из материалов дела); аргументы к авторитетному мнению говорящего: *Я уверен, что, знай Г., каков будет итог его встречи с К., он положил бы на лестничную ступеньку свою голову первый, лишь бы с К. ничего не произошло*; аргументы к личности: *Инициатором конфликта мой подзащитный не был, не мог заранее предвидеть, чем закончится данное поведение Кондратьева для него, поэтому и защищался, как мог.*

Независимо от цели выступлений, аргументы всегда располагаются в выигрышном порядке: сильные – средние – наиболее сильный. Для доказательства одного тезиса используются от 1 до 4 аргументов. При этом рациональные доводы чередуются с эмоцио-

нальными оценками. Для текстов характерна также кольцевая композиция: тезис – доказательства – доказанный тезис: *Как я уже говорил ранее, Г. обвиняется в совершении преступления небольшой тяжести (тезис 1). Данное преступление он совершил в период условно-досрочного освобождения от наказания по приговору Парабельского районного суда Томской области. Г. был освобожден условно-досрочно Асиновским городским судом Томской области, так как администрация исправительного учреждения ЯУ-114/2 не возражала против этого* (сильный аргумент – факт как ссылка на документ, прямое доказательство, индукция). *В процессе отбывания наказания Г. соблюдал принятые нормы поведения и правила внутреннего распорядка... имел положительные планы на будущее* (средний аргумент, пример и оценка). ***Все эти обстоятельства указаны в постановлении Асиновского городского суда Томской области, которые судом были проверены и приняты*** (сильный аргумент, факт), *что послужило основанием для освобождения Г. от отбывания дальнейшего наказания (доказанный тезис 1). С момента освобождения и до совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 114 УК РФ, прошло два года. Давайте подробно остановимся на том, как же жил этот отрезок времени Г. (тезис 2). Не покривлю душой, если скажу, что Г. полностью оправдал доверие, оказанное ему исправительным учреждением и судом* (аргумент 1, сильный, факт как ссылка на документы-характеристики). *За время условно-досрочного освобождения Г. ни разу не нарушил обязанности, возложенные на него судом, положительно характеризуете сотруниками Парабельского РОВД УВД Томской области, отвечающими за надзор за условно осужденными, трудоустроивался по мере возможности подсобным рабочим к индивидуальному предпринимателю З. и консультантом в магазин «Мастер», по обоим местам работы характеризуется только положительно. В настоящее время Г. стоит на учете в центре занятости населения Парабельского района Томской области, то есть принимает меры по своему трудоустройству* (аргумент 2, примеры и оценка). ***В семейной жизни у Г. также все складывалось хорошо, он вступил в брак с В., у них родился сын В.*** (аргумент 3, положительная оценка семейного положения). ***Таким образом, все вышеприведенные доводы позволяют сделать обоснованный вывод, что у Г. с момента освобождения полностью отсутствовала криминальная и антисоциальная направленность в поведении, он полностью перестроил свою жизнь на позитивный лад*** (доказанные тезисы 1 и 2).

Анализ употребления языковых средств, способствующих логичности речи, показал, что они типичны для многих ораторов [20, 21], но их индивидуальный набор может быть шире или уже. В речи изучаемой личности выделены средства выражения логических связей, указывающие на: последовательность развития мысли (*давайте подробно остановимся, прежде всего, в свою очередь, кроме, также*), на причинно-следственные, условные отношения (*так как, поэтому, поскольку, исключительно из-за, без всяких на то*

причин, в результате чего; если бы, то; знай, он бы; лишь бы), на отношения противопоставления (*ведь, же, но, в то же время*), на итог, вывод (*следовательно, таким образом*). В качестве внутритекстовых средств связи используются местоимения, прилагательные и причастия *этот, последний, данный, следующий, вышеприведенный* и др.: *Вот в принципе все показания потерпевших и свидетелей, которые, не смотря на всю их противоречивость, по мнению следствия, доказывают вину Х. Кроме этих показаний есть и письменные якобы доказательства*.

У исследуемой языковой личности встречаются также «авторские ремарки» – по определению З.В. Баишевой, «выражения, привлекающие внимание аудитории к последующему высказыванию, поясняющие порядок изложения, основные цели речи или задачи, решаемые в данной части выступления» [21. С. 24]. «Авторские ремарки» выполняют в его речи разнообразные функции. С их помощью адвокат 1) даёт объяснение, почему избрана такая последовательность изложения: *Прежде всего, я хочу остановиться на квалификации деяния моего подзащитного и причинах совершения преступления, которое законодателем отнесено к преступлениям небольшой тяжести;* 2) объясняет, почему не нужно обращаться к этому вопросу: *Поскольку Г. на предварительном следствии полностью признавал свою вину в инкриминируемом ему деянии и заявил ходатайство о рассмотрении уголовного дела в порядке особого судопроизводства, оспаривать предложенную квалификацию у меня нет никаких правовых оснований;* 3) указывает на повторяющуюся информацию: *Как я уже говорил ранее, Г. обвиняется в совершении преступления небольшой тяжести;* 4) сообщает, к какому вопросу переходит: *Давайте подробно остановимся на том, как же жил этот отрезок Г.;* 5) демонстрирует свое отношение к предмету речи: *Я понимаю, как трудно суду вынести в нашем государстве оправдательный приговор невиновному человеку;* 6) объясняет то, что уже доказано: *Ваша честь, я считаю, что Г. может быть сохранено условно-досрочное освобождение с учетом обстоятельств совершения преступления, инициатором которого подсудимый не был, с учетом поведения Г. на предварительном следствии, с учетом всех характеристик*.

Богатство выделено как важная черта судебной речи рядом ученых [12, 21, 24 и др.]. Хотя детальный анализ лексики языковой личности пока не проводился, в том числе отсутствуют количественные подсчеты, можно утверждать, что на развитость словарного запаса указывает наличие разговорной и книжной, нейтральной и экспрессивно-эмоциональной, общеупотребительной и специальной лексики, фразеологии. Прежде всего, разнообразят речь и делают ее более выразительной книжные слова и фразеологизмы: *постулат, нивелировать, сподвижник, безропотно, вопиющий, все дозволено, положит голову, а также разговорные выражения: идти на поводу, не покривить душой, искать приключений (на свою голову), приличный (в значении «хороший») доход, не удосужиться, лад, пережить* и др. Они концентрируют внимание слушателей, так как немно-

численны, выражают оценку, индивидуальное отношение к людям и событиям. Книжные и разговорные слова и ФЕ в одном контексте выступают как сознательное сочетание, стилистически удачное: *В начале своего выступления, я, невзирая на итоговый результат данного дела, хотел бы поблагодарить суд за объективность и полноту, присутствующую на стадии судебного следствия, чего нельзя сказать о предварительном следствии, которое проведено просто безобразно; Следует отметить, что на всем протяжении следствия правоохранительные органы безропотно шли на поводу у потерпевшей К.*

Экспрессивная лексика для изучаемой личности также свойственна, но немногочисленна, а набор экспрессивных лексических средств ограничен. Это разговорные ФЕ (*выпасть на долю; остаться один на один*), эмоционально-оценочные глаголы (*рухнуть*), прилагательные (*несчастливая милиция, теплые служебные кабинеты*), существительные (*лжепредпринимательство, трагедия, тяготы, лишения*) и наречия (*безобразно, радушно*). Особенностью идиостиля информанта является употребление слов и словосочетаний с семой усиления, при оценке часто используются выражения с отрицательными частицами «не» и «ни»: *ни разу не нарушил; не будет раскрыто ни одно преступление, всё рухнуло и др.* К функциям экспрессивной лексики в речи оратора можно отнести обобщение информации, выражение эмоций при характеристике отрицательных и положительных личностных качеств участников событий, характеристику образа действий, оценку фактов.

Выразительность является, по мнению всех исследователей, писавших о знаменитых риториках прошлого, важной характеристикой речи судебного оратора. Выразительные средства способствуют поддержанию внимания, отражают ценностную картину мира, индивидуализируют стиль [11, 18, 20, 21, 23]. Так, О.В. Климович считает, что фигуры и тропы в речах изучаемых языковых личностей усиливают суггестивное воздействие [23. С. 15], эмоциональная лексика оказывает психологическое воздействие [23. С. 19]. При этом необычные средства отвлекают внимание, а общезыковые способствуют точности речи. Такого же мнения придерживается З.В. Байшева относительно присутствия в выступлениях Кони выразительных средств: «Умело использованные в речи средства выразительности обеспечивают судебному оратору эффективное решение всех задач, связанных с процессом убеждения» [21. С. 27]. Н.В. Пиримова пишет о воздействующей функции изобразительно-выразительных средств и элементов разговорной речи в судебных речах Ф.Н. Плевако [20. С. 9–11].

Для речи изучаемого судебного оратора характерно присутствие нескольких видов тропов и фигур речи, усиливающих убеждающее воздействие: синтаксического параллелизма (*Ведь, если бы К. не искал приключений, не думал, что ему все дозволено, то все бы в порядке было у семьи Г., и у семьи К.; может быть сохранено условно-досрочное освобождение с учетом обстоятельств совершения преступления, инициатором которого подсудимый не был, с учетом поведения Г. на предварительном следствии,*

с учетом всех характеристик Г. после его освобождения из исправительного учреждения; ...люди, которые ни дня не занимались оперативной работой как таковой, ни разу не задерживали преступников), инверсии (*инициатором конфликта мой подзащитный не был; К административной ответственности Г. не привлекался ни разу; в семейной жизни тоже всё складывалось хорошо; он положил бы на лестничную ступеньку свою голову первый, лишь бы с К. ничего не произошло*), градации: *Получается, что сотрудникам милиции надо дожидаться, пока преступник начнет совершать кражу, грабеж, разбой, изнасилование, убивать самого сотрудника милиции, а уже после этого его подвергать обоснованному задержанию*». Выделены «логические» (риторические) вопросы: *Если, по мнению следствия, не достаточно при такой ситуации оснований для задержания при таких вопиющих обстоятельствах, то позволю себе спросить: «Какие же это должны быть основания?»*

Прецедентные тексты можно рассматривать как способ повышения выразительности и индивидуализации текста. Они демонстрируют эрудицию оратора. Так, в одном из выступлений адвокат использует цитату из литературного источника: *Известному немецкому писателю Эрих Мария Ремарку принадлежит фраза: «Человек сам причина своих ошибок». И этот постулат полностью применим к рассматриваемым нами событиям. Ведь, если бы К. не искал приключений, не думал, что ему все дозволено, то все бы в порядке было и у семьи Г., и у семьи К. Инициатором конфликта мой подзащитный не был, не мог заранее предвидеть, чем закончится данное поведение К. для него, поэтому и защищался, как мог.* В этой процитированной фразе значимо каждое слово. Всё выражение названо «постулатом», т.е. положением, принимаемым за истину без доказательств. Слово *человек* соотносится с необходимостью характеристики личности потерпевшего. Слово *ошибка* подразумевает квалификацию поведения человека, сознательно причинившего вред себе и другим людям. Необходимо подчеркнуть, что называть слова писателя постулатом – значит преувеличивать, гиперболизировать очевидность выражения. Отметим также трансформированное выражение «История не имеет сослагательного наклонения», автором которого считают немецкого историка Карла Хампе: *Но жизнь не предусматривает сослагательных наклонений, и машину времени ученые еще не изобрели.* Говорящий окончил исторический факультет, поэтому апелляция к выражению, связанному с историей, объяснима. При этом слово *история* заменено на слово *жизнь*, вероятно, здесь тоже проявилась особенность языковой личности – стремление обобщать, категорично оценивать.

Среди тропов ирония как средство непрямой оценки в речи А.Г. встречается часто и направлена на определенных людей и ситуации. Высказывания выражают сомнение в истинности суждения: *Для меня до знакомства с делом В. всегда оставалось загадкой, как работают юридические фирмы, обещающие в своих рекламных проспектах полное освобождение от кредитной задолженности, поскольку*

я прекрасно понимал, что в данной ситуации кредитор всегда прав, и существующая судебная практика практически в 100% на стороне кредитора, а не гражданина; За время годичного следствия сумма причиненного материального ущерба чудесным образом выросла до 1 130 813 рублей, то есть на 802 813 рублей больше, чем заявлено ранее. Типичным является ироническое уничижение: *«Ознакомившись с делом В., выслушав пояснения потерпевшей К. и её сподвижников, я понял, что можно, практически ничего не делая, получить неплохой и что самое главное, никем не контролируемый доход; «Потерпевшая» К. используя непрофессиональный подход к расследованию уголовного дела, сумела убедить следствие, что В. совершила у нее хищение денежных средств.* Все высказывания сопровождаются интонацией неодобрения. Отмечен единичный случай иронического сожаления по поводу нереального факта: *«Но жизнь не предусматривает сослагательных наклонений, машину времени ученые еще не изобрели.* Добавление информации о машине времени делает высказывание ироническим и еще более категоричным, так как любой человек понимает, что это научно-фантастическое, нереальное понятие.

Присутствуют единичные метафоры: *«кривить душой говорить неправду, отрезок времени, все рухнуло исчезло, перестало существовать»* и эпитеты: *«дутые дела.* Лексические повторы более многочисленны: *«все вышеприведенные доводы позволяют сделать обоснованный вывод, что у Герасименко С.В. с момента освобождения полностью отсутствовала криминальная и антисоциальная направленность в поведении, он полностью перестроил свою жизнь на позитивный лад; я уверен, что мой подзащитный оправдает доверие суда, как оправдывал его ранее; мы все должны руководствоваться тем подсознательным, что у порядочных, я подчеркиваю, порядочных людей называются совестью.* В некоторых случаях лексические повторы превращаются в стилистическую погрешность: *«...никакого бухгалтерского учета ИП К. не вела, что позволяло последней уходить от уплаты налогов, вела по сути незаконную предпринимательскую деятельность.*

Итак, речам в прениях рассматриваемого адвоката свойственны логичность и правильность как базовые качества хорошей речи, в том числе судебной, выяв-

ленные в работах о выдающихся ораторах начала XX в. Выразительность и богатство проявлены слабее, создаются при помощи вкрапления книжной и разговорной лексики, экспрессивных элементов, прецедентных текстов. Оценки часто категоричны, языковым средством их выражения являются отрицательные частицы. Тропы единичны, используются уместно, ирония наиболее частотна, среди фигур речи, усиливающих аргументацию, предпочтение отдается параллельным конструкциям.

Специфические черты, отличающие современного судебного оратора от эталонов прошлого века, могут быть объяснены как влиянием времени, так и особенностями личности ратора, например, полученным гуманитарным (историческим) образованием, которое, предположительно, позволило сформировать культуру речи, общий уровень эрудированности. Если говорить о времени, то богатство и выразительность речей судебных ораторов конца – начала XX в. связаны с другой эпохой, несформированностью юридического языка, который был смесью научного, публицистического и художественного стилей. Конец XX – начало XXI в. характеризуется стандартизацией языка, загруженностью участников судебных прений, прагматичностью целей, в результате чего эмоциональность нивелируется. Использование клише хотя и не обогащает речь, но, возможно, в существующих условиях является эффективным приемом, опираясь на который, ритор достигает успеха.

Таким образом, в текстах речей в прениях находит отражение грамотная, эрудированная, образованная, компетентная, интеллектуальная, со стандартизированной речью, «не дотягивающая» до элитарной речевой культуры, сдержанная в эмоциях, но категоричная в оценках языковая личность современного оратора. На основе выступлений одной языковой личности практически невозможно сделать окончательные выводы об особенностях речевой деятельности современных судебных ораторов в целом. Можно предположить, что трансформация традиций судебного красноречия связана как с индивидуальными особенностями говорящего, так и с влиянием современной языковой ситуации. Опровергнуть или подтвердить это позволит дальнейшее исследование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванцова Е.В. Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 160 с.
2. Волкова Т.Ф. К проблеме типологизации публичных языковых личностей // Молодой учёный. 2008. № 1. С. 101–104.
3. Рядчикова Е.Н., Тхакушинова Ж.Б. Речевой этикет как показатель сильной языковой личности политика // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2009. № 4. С. 150–154.
4. Цуциева М.Г. Языковая личность политика как динамический феномен дискурса и текста // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2013. № 5 (83). С. 104–108.
5. Акаева Э.В. Языковая личность врача ведущего научно-популярной медицинской программы // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. 2011. Вып. 57, № 24 (239). С. 189–190.
6. Федорченко И.А. Метафорическая и метаязыковая константы языковой личности академика В.В. Виноградова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002. 24 с.
7. Парсамова В.Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (на материале писем Ю.М. Лотмана) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. 23 с.
8. Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2011. 46 с.
9. Асмус Н.Г. Языковая личность британского футбольного комментатора // Перевод и сопоставительная лингвистика. Вып. 2016. № 12. С. 148–151.
10. Шевченко О.Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б.В. Заходера) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 22 с.

11. Волков А.А. Курс русской риторики. М. : Издательство храма св. муч. Татианы, 2001. 480 с.
12. Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия. М. : Юрист, 2007. 464 с.
13. Отургашева Н.В. Судебная риторика : учеб. пособие для дистанц. обучения и самост. работы студ. Новосибирск : СибАГС, 2006. 152 с.
14. Землякова Н.В., Гарбовская Н.Б. Аргументация в судебной риторике // Теория и практика общественного развития. 2017. № 6. С. 101–105.
15. Федулова М.А. Судебная риторика как составная часть ораторского искусства // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2009. № 4. С. 81–85.
16. Кубиц Г.В. Профессионализация языковой личности (на примере юридического дискурса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 19 с.
17. Ипатова И.С. Языковая личность юриста: вчера, сегодня, завтра // Государство и право в изменяющемся мире : материалы науч.-практ. конф. (Н. Новгород, 5 марта 2016 г.). Н. Новгород : РГУП, 2016. С. 952–962.
18. Сергеич П. Искусство речи на суде. М. : Юрайт, 2016. 395 с.
19. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. Избранные труды. М. : Наука, 1980. Т. 5. 360 с.
20. Пирнинова Н.В. Когнитивная обусловленность и стилевое своеобразие судебных речей Ф.Н. Плевако : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2006. 24 с.
21. Баишева З.В. Языковая личность судебного оратора А.Ф. Кони : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2007. 47 с.
22. Артёмов Т.В. Нарратив как компонент риторической стратегии обвинительных речей А.Ф. Кони : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 23 с.
23. Климович О.В. Языковая личность адвоката в контексте юридического дискурса (на материале речей С.А. Андриевского и Н.П. Карабчевского) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2016. 20 с.
24. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной; редкол.: Е.А. Баженова, М.П. Котурова, А.П. Сковородников. М. : Флинта ; Наука, 2011. 696 с.
25. Мельников И.И., Мельников И.И. Судебная речь: Для участников судебных прений по уголовным делам. М. : ИКФ «ЭКМОС», 2003. 160 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 1 мая 2019 г.

Speech Activity of the Modern Forensic Orator (On the Material of Speeches in Debates)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 38–45.

DOI: 10.17223/15617793/444/4

Tatyana F. Volkova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatyana-volkova@bk.ru

Keywords: forensic orator; language personality; forensic rhetoric.

The problem of studying the traditions of forensic eloquence of the early 21st century is posed. The speech practice of a modern forensic orator is studied on the example of a certain language personality. The analysis of this speech practice is important for determining the features of forensic eloquence of the beginning of the 21st century in the professional speech of rhetoricians. The development of linguopersonology is due to the fact that a person as a culture bearer has been the focus of numerous studies in opposition to the technogenic approach. The problems of human communication effectiveness are widely discussed. In particular, the question of efficiency criteria of a professional language personality is open. There have been no works so far in which special aspects of the speech of an ordinary contemporary orator are considered in detail. The language personality under study is one of the successful lawyers in Tomsk. Thus, the speech of the lawyer in question is characterized by consistency and correctness as the basic qualities of good speech, including the court one, that were identified in the works on the outstanding speakers of the early 20th century. Expressiveness and richness are less manifested; they are created by units of bookish and colloquial vocabulary, evocative elements, precedent texts. Evaluation is often categorical, and negative particles are the linguistic means of its expression. Tropes are single and are used appropriately; irony is the most frequent among the figures of speech that reinforce the line of reasoning, and preference is given to parallel structures. The specific features that distinguish the modern forensic orator from the standards of the previous century can be explained both by the influence of the time and by the orator's personality, for example, a degree in the humanities (history) which, presumably, contributed to the formation of the culture of speech, the general level of erudition. Concerning the time, the richness and expressiveness of the speeches of forensic orators of the late 19th – early 20th centuries are associated with a different era, the unformed legal language that was a mixture of scientific, journalistic and literary styles. The late 20th and early 21st centuries are characterized by the standardization of the language, by the workload of forensic debate participants, by the pragmatic nature of the goals, which results in the leveling of emotionality. The use of clichés does not enrich speech, but in the current environment can be an effective technique for the orator to succeed. Thus, speeches in debates reflect the modern orator's language personality that is literate, erudite, educated, competent, intelligent, with standardized speech that is a little lower than the elite speech culture, restrained in emotions but categorical in assessments. On the basis of the speeches of one language personality, it is almost impossible to draw definitive conclusions about the features of speech practice of modern forensic orators in general. It can be assumed that the transformation of the traditions of forensic eloquence is connected both with the individual characteristics of the speaker and with the influence of the modern state of language. Further research will allow refuting or confirming this.

REFERENCES

1. Ivantsova, E.V. (2010) *Lingvopersonologiya: Osnovy teorii yazykovoy lichnosti* [Lingvopersonology: Fundamentals of the theory of language personality]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Volkova, T.F. (2008) K probleme tipologizatsii publichnykh yazykovykh lichnostey [On the typology of public language personalities]. *Molodoy uchenyy*. 1. pp. 101–104.
3. Ryadchikova, E.N. & Tkachukhinova, Zh.B. (2009) Rechevoy etiket kak pokazatel' sil'noy yazykovoy lichnosti politika [Speech etiquette as an indicator of a strong language personality of a politician]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Filologiya i iskusstvovedenie – Bulletin of Adyge State University. Series 2*. 4. pp. 150–154.
4. Tsutsieva, M.G. (2013) Linguistic personality of a politician as a dynamic phenomenon of discourse and text. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 5 (83). pp. 104–108. (In Russian).
5. Akaeva, E.V. (2011) Yazykovaya lichnost' vracha vedushchego nauchno-populyarnoy meditsinskoj programmy [The language personality of a doctor that hosts a popular medical program]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya. Iskuststvovedenie – Bulletin of Chelyabinsk State University. Ser. Philology. Study of Art*. 57:24 (239). pp. 189–190.

6. Fedorchenko, I.A. (2002) *Metaforicheskaya i metazykovaya konstanty yazykovoy lichnosti akademika V.V. Vinogradova* [Metaphorical and metalinguistic language personality constants of Academician V.V. Vinogradov]. Abstract of Philology Cand. Diss. Barnaul.
7. Parsamova, V.Ya. (2004) *Yazykovaya lichnost' uchenogo v epistolyarnykh tekstakh (na materiale pisem Yu.M. Lotmana)* [The language personality of a scholar the epistolary texts (on the material of the letters of Yu. Lotman)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.
8. Malysheva, E.G. (2011) *Russkiy sportivnyy diskurs: teoriya i metodologiya lingvokognitivnogo issledovaniya* [Russian sports discourse: theory and methodology of a cognitive linguistic research]. Abstract of Philology Dr. Diss. Omsk.
9. Asmus, N.G. (2016) The language personality of the British football commentator. *Perevod i sopostavitel'naya lingvistika*. 12. pp. 148–151. (In Russian).
10. Shevchenko, O.N. (2005) *Yazykovaya lichnost' perevodchika (na materiale diskursa B.V. Zakhodera)* [The language personality of the translator (based on the discourse of BV Zakhoder)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.
11. Volkov, A.A. (2001) *Kurs russkoy ritoriki* [The course of Russian rhetoric]. Moscow: Izdatel'stvo khrama sv. much. Tatiyany.
12. Ivakina, N.N. (2007) *Osnovy sudebnogo krasnorechiya* [The fundamentals of forensic eloquence]. Moscow: Yurist'.
13. Oturgasheva, N.V. (2006) *Sudebnaya ritorika* [Forensic rhetoric]. Novosibirsk: SibAGS.
14. Zemlyakova, N.V. & Garbovskaya, N.B. (2017) The reasoning in forensic rhetoric. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 6. pp. 101–105. (In Russian). DOI: 10.24158/tipor.2017.6.25
15. Fedulova, M.A. (2009) Sudebnaya ritorika kak sostavnaya chast' oratorskogo iskusstva [Forensic rhetoric as part of oratory]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Filologicheskie nauki*. 4. pp. 81–85.
16. Kubits, G.V. (2005) *Professionalizatsiya yazykovoy lichnosti (na primere yuridicheskogo diskursa)* [Professionalization of a language personality (on the example of legal discourse)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.
17. Ipatova, I.S. (2016) [The language personality of a lawyer: yesterday, today, tomorrow]. *Gosudarstvo i pravo v izmenyayushchemsya mire* [State and law in a changing world]. Proceedings of the Conference. N. Novgorod. 5 March 2016. N. Novgorod: Russian Academy of Justice. pp. 952–962. (In Russian).
18. Sergeich, P. (2016) *Iskusstvo rechi na sude* [The art of speech in court]. Moscow: Yurayt.
19. Vinogradov, V.V. (1980) *O yazyke khudozhestvennoy prozy. Izbrannye trudy* [On the language of fiction. Selected Works]. Vol. 5. Moscow: Nauka.
20. Pirinova, N.V. (2006) *Kognitivnaya obuslovlennost' i stilevoe svoeobrazie sudebnykh rechey F.N. Plevako* [Cognitive conditionality and stylistic originality of the forensic speeches of F.N. Plevako]. Abstract of Philology Cand. Diss. Taganrog.
21. Baisheva, Z.V. (2007) *Yazykovaya lichnost' sudebnogo oratora A.F. Koni* [The language personality of the forensic orator A.F. Koni]. Abstract of Philology Dr. Diss. Ufa.
22. Artemova, T.V. (2008) *Narrativ kak komponent ritoricheskoy strategii obvinitel'nykh rechey A.F. Koni* [Narrative as a component of the rhetorical strategy of accusatory speeches of A.F. Koni]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kemerovo.
23. Klimovich, O.V. (2016) *Yazykovaya lichnost' advokata v kontekste yuridicheskogo diskursa (na materiale rechey S.A. Andrievskogo i N.P. Karabchevskogo)* [The language personality of a lawyer in the context of legal discourse (based on the speeches of S.A. Andrievsky and N.P. Karabchevsky)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ufa.
24. Kozhina, M.N. et al. (eds) (2011) *Stilisticheskii entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow: Flinta; Nauka.
25. Mel'nikov, I.I. & Mel'nikov, I.I. (2003) *Sudebnaya rech': Dlya uchastnikov sudebnykh preniy po ugovolnym delam* [Forensic speech: For participants in court debates in criminal cases]. Moscow: IKF "EKMOS".

Received: 01 May 2019